

Александр Галич – Кадиш

(отрывок из поэмы)

Кадиш — это еврейская поминальная молитва, которую произносит сын в память о покойном отце.

Эта поэма посвящена памяти великого польского писателя, врача и педагога Якова Гольдшмидта (Януша Корчака), погибшего вместе со своими воспитанниками из школы-интерната "Дом сирот" в Варшаве в лагере уничтожения Треблинка

Когда-нибудь, когда вы будете вспоминать имена героев, не забудьте, пожалуйста, я очень прошу вас, не забудьте Петра Залевского, бывшего гренадера, инвалида войны, служившего сторожем у нас в "Доме сирот" и убитого польскими полицией в дворе осенью 1942 года.

Он убирал наш бедный двор,
Когда они пришли,
И странен был их разговор,
Как на краю земли,

Как разговор у той черты,
Где только "нет" и "да" -
Они ему сказали: "Ты,
А ну, иди сюда!"

Они спросили: "Ты поляк?"
И он сказал: "Поляк".
Они спросили: "Как же так?"
И он сказал: "Вот так".

"Но ты ж, культяпый, хочешь жить,
Зачем же, черт возьми,
Ты в гетто нянчишься, как жид,
С жидовскими детьми?!"

К чему, - сказали, - трам-там-там,
К чему такая спесь?!
Пойми, - сказали, - Польша там!"
А он ответил: "Здесь!"

אֶלְכָסָנְדֵר גָּאֲלִיץ' – קָדִישׁ

(הקטע משיר העלילה)

קָדִישׁ הוּא תְפִילַת יִזְכוֹר, אֲשֶׁר קוֹרֵא בֶן לְזָכֶר אָבִיו.

שִׁיר הָעֵלִילָה הַזֶּה מוֹקְדֵשׁ לְסוֹפֵר, הָרוֹפֵא וְהַמּוֹרֶה הַפּוֹלְנִי הַגָּדוֹל יַעֲקֹב גוֹלְדְשְׁמִידֵט (יָאֲנוֹשׁ קוֹרְצ'ק), אֲשֶׁר נִהְרַג יַחַד עִם חֲנִיכָיו מִפְּנֵימֵיית "בֵּית הַיְתוּמִים" בּוֹרְשָׁה בַּמַּחֲנֶה הַהַשְׁמָדָה טְרֵבְלִינְקָה

אִי-פַעַם, כְּאֲשֶׁר תִּיזְכְּרוּ בַשְּׁמוֹת הַגִּיבּוֹרִים, אֲנִי אֶל תִּשְׁכַּחוּ, בְּבִקְשָׁה מֵכֶם, אֶל תִּשְׁכַּחוּ אֶת הַגִּיבּוֹר פֶּטֶר זֶלְבִּסְקִי, גֶּרֶנְדִיר לְשַׁעֲבֵר, נֹכַח הַמַּלְחָמָה, שֶׁעָבַד בְּתוֹר שׁוֹמֵר אֲצִלְנוּ בְּ"בֵית הַיְתוּמִים", אֲשֶׁר נִרְצַח עַל-יְדֵי הַשׁוֹטְרִים הַפּוֹלְנִיִּים בַּחֲצֵר בִּסְתִיו 1942.

הוּא מְטַטֵּא אֶת הַגִּינָה,
כְּשֶׁנִּכְנָסוּ פְּתָאוֹם
וְשִׁחְתָם כֹּה מְשׁוֹנָה,
כְּמוֹ עַל קֶצֶה תְּהוֹם.

הֵקוּ הוֹגְבֵל בְּשִׁחְתָם
בֵּין "פֶּן" וְ"לֹא בְּלִבְד."
וְהֵם אָמְרוּ לוֹ: "הֵי, אֲתָה,
בּוֹא הֵנָּה, וּמֵיִיד!"

"הַפּוֹלְנִי אֲתָה, עֲנֵה?!"
אָמַר הוּא: "פּוֹלְנִי"
שׁוֹב שְׁאֵלוֹ: "אֵז לְמָה? .. אֵיךְ?!"
"אֵז... כִּכֶּה זֶה אֲנִי."

"אֲתָה רוֹצֵה לְשִׁרֹד, נָכוֹן,
נִכֵּה-רָגֵל, בֶּן-כְּלָבִים?
וּמִתְמַזְמֵז כְּמוֹ יְהוּדִין
עִם יְהוּדִים קֹטְנִים?!"

לְמָה, - אָמְרוּ תוֹךְ שִׁחְתָם, -
אֲתָה קֶזֶה שְׁחָצֵן?
תְּבִין, - אָמְרוּ, - פּוֹלְנֵה שֵׁם!
וְהוּא עָנָה: "הֵיא כָּאן!"

И здесь она и там она,
Она везде одна -
Моя несчастная страна,
Прекрасная страна".

И вновь спросили: "Ты поляк?"
И он сказал: "Поляк".
"Ну, что ж , - сказали, - значит, так?"
И он ответил: "Так".

"Ну, что ж, - сказали, - кончен бал!"
Скомандовали: "Пли!"
И прежде, чем он сам упал,
Упали костыли,

И прежде, чем пришли покой
И сон, и тишина,
Он помахать успел рукой
Глядевшим из окна.

...О, дай мне, Бог, конец такой,
Всю боль испив до дна,
В свой смертный миг махнуть рукой
Глядящим из окна!

היא כאן ושם, בכל פינה,
אחת ויחידה –
מולדתי המסכנה,
ארצי החמודה".

"הפולני אתה, ענה?"
אמר שוב: "פולני".
ושוב, ושוב: "אז למה? .. איך?!"
"אז... ככה זה אני".

"נו, טוב. נגמר הקרב!"
והם באש פתחו.
ואז, לפני שהוא נפל,
קביים לו צנחו.

ואז, לפני שנייה כמעט
של שקט ושלווה,
הספיק הוא לנפנף ביד
לבני הראווה...

הרשה, אלי, בתום כאב,
לפני שעת שלווה,
ביד הרשה לי לנפנף
לבני הראווה!